

КОНВЕНЦИОННЫЕ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ МОРСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация. Попытка раскрыть модели международного научно-технического сотрудничества в первую очередь вызвала необходимость обратиться к понятию «правовая модель». В результате проведенного исследования установлено, что объединяющим аспектом в понимании исследователями сущности правовой модели является то, что она выступает неким образом, отражающим (описывающим) объекты, процессы или явления правовой жизни.

С учетом форм международного сотрудничества предложено выделение конвенциональной и институциональной модели международного научно-технического сотрудничества. Институциональная модель в большей степени характеризует статус и деятельность субъектов. Конвенционная модель отражает прежде всего набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов. При этом она не ограничивается исключительно международными договорами и обычаями, а также включает акты, содержащие нормы мягкого права.

В целях раскрытия конвенционной модели международного научно-технического сотрудничества в области морских исследований осуществлен анализ понятия «морские научные исследования», а также анализ развития института в рамках международного морского права, регулирующего взаимодействие субъектов международного права и иных акторов в области морских научных исследований и обмена технологиями. В результате установлено, что конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и включает в зависимости от конкретной ситуации двусторонние и многосторонние международные договоры, решения и резолюции компетентных международных организаций, а также многочисленные акты, содержащие нормы мягкого права, направленные на детализацию различных аспектов взаимодействия.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15045.

* Кожеуров Ярослав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
abc646@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

esteymurov@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ключевые слова: правовая модель, конвенционная модель, институциональная модель, международное сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, морские научные исследования.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.130-145

На современном этапе развития общественных отношений трудно назвать сферы деятельности, в которых в той или иной степени не осуществляется международное сотрудничество. Глобализационные процессы, с одной стороны, и необходимость разрешения научных задач, которые практически оказываются непосильны одному государству и от которых зависит успешное развитие государства, с другой стороны, порождают необходимость международного взаимодействия в данной сфере. Более того, осуществление международного научного сотрудничества экономически выгодно для развития науки и образования².

Успешное решение поставленных задач по переходу в цифровое пространство и активное продвижение отечественной науки на международном уровне требуют изучения опыта международно-правового регулирования научно-технического сотрудничества для выявления наиболее успешных моделей взаимодействия, которые могут быть заложены в основу отечественных проектов по продвижению российской науки и технологий на общемировом уровне.

На сегодняшний день имеется немало примеров успешного научно-технического сотрудничества в самых различных сферах и на разных уровнях, и масштабы международного научного сотрудничества продолжают расти. В определенной степени³ свидетельством тому является количество научных публикаций, подготовленных в рамках международного со-

трудничества. Так, число научных работ, подготовленных в соавторстве исследователями из разных стран, выросло с 8 % в 1988 г. до 25 % к 2009 г.⁴ При этом за последующие годы произошел еще более существенный скачок. Согласно данным исследования научного взаимодействия и мобильности ученых за 2008—2015 гг. показатель выполненных в соавторстве научных работ варьируется в зависимости от уровня развития государства от 46,94 % в развитых до 77,39 % в отстающих странах, среднемировое значение составило 70,32 %⁵.

Наибольшее количество международных научных проектов осуществляется с участием США, на втором месте Великобритания, Италия, Франция, Испания и Германия. Не уступают европейским странам — лидерам по участию в международном научно-техническом сотрудничестве некоторые латиноамериканские государства — Бразилия и Аргентина⁶.

Рост международного научно-технического сотрудничества обусловлен различными причинами. Некоторые исследователи утверждают, что их перечень является практически бесконечным в зависимости от той или иной ситуации⁷.

На региональном уровне рост международного научно-технического сотрудничества связывают со следующими факторами:

а) географической близостью: соседние страны часто имеют схожие исследовательские проекты или взаимодополняющие интересы и общие публикации;

² Archibugi D., Filippetti A. The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. Oxford : Wiley, 2015. Pp. 483—507.

³ Следует иметь в виду, что совместные научные работы готовятся не только в рамках сотрудничества на международно-правовой основе, но и в том числе в рамках неформального, межличностного взаимодействия исследователей. В связи с этим невозможно опираться на количество совместных научных работ как абсолютный индикатор развития международного научно-технического сотрудничества.

⁴ Kreimer P., Levin L. Scientific Cooperation between the European Union and Latin American Countries: Framework Programmes 6 and 7 (chapter 4). P. 81 // Gaillard J., Gaillard A.-M., Arvanitis R. Research collaboration between Europe and Latin America: mapping and understanding partnership. Paris : Archives contemporaines, 2014. 196 p.

⁵ Chinchilla-Rodriguez Z., Miao L., Murray D., et al. A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities // Frontiers in Research Metrics and Analytics. 2018. Vol. 3:17. P. 4.

⁶ Kreimer P., Levin L. Op. cit. P. 84.

⁷ Katz J. S., Martin B. R. What is research collaboration? // Research Policy. 1997. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 1—18.

- б) историей развития государств и народов: общие этнические, лингвистические или другие виды связей, сформированные в результате исторических взаимодействий (включая колониальные отношения);
- в) общим языком, который облегчает сотрудничество;
- г) наличием определенных проблем и вопросов, например, таких как борьба с болезнями или смягчение последствий стихийных бедствий;
- д) экономическими факторами: они включают инвестиции в определенную область из-за исследовательских приоритетов, установленных учеными и политиками, отдельными учеными, сотрудничающими с конкретными научными учреждениями, и необходимостью совместного использования средств и оборудования;
- е) экспертным потенциалом: сотрудничество может быть обусловлено необходимостью лучшей или наиболее подходящей экспертной оценки для достижения целей научного запроса. Во многих развивающихся странах имеются учреждения и ученые высочайшего класса;
- ж) наличием в государстве определенного исследовательского оборудования, баз данных и лабораторий⁸.

Однако лишь ряд обозначенных факторов способствует развитию научно-технического сотрудничества вне регионального контекста. Так, Дж. П. Холдрен, являвшийся советником по научным вопросам президента Б. Обамы и директором научно-технического управления Белого дома, а также длительное время проработавший по вопросам укрепления советско-американских, а затем российско-американских отношений, пишет, что правительство США заинтересовано в развитии научно-технического сотрудничества по следующим причинам:

- 1) работа с другими государствами обеспечивает доступ к дополнительным ценным экс-

- пертным знаниям, способствует снижению финансовых затрат, в том числе за счет избегания дублирования усилий;
- 2) глобальный характер вопросов, например, такие, как борьба с эпидемическими заболеваниями, лечение рака, уменьшение зависимости от нефти, смягчение последствий изменения климата, повышение безопасности ядерных реакторов;
- 3) сопутствующие экономические преимущества. Например, уменьшается риск того, что государство-партнер станет источником потока беженцев и региональной политической нестабильности, увеличивается вероятность страны стать значительным рынком для товаров США;
- 4) дипломатические выгоды. Преимущества взаимовыгодного сотрудничества в области науки и технологий обеспечивают позитивное обоснование для поддержания достойных отношений даже в условиях разногласий по другим вопросам⁹.

Аналогичные причины роста научно-технического сотрудничества называет президент Немецкого научно-исследовательского общества П. Штрошнайдер¹⁰.

Стимулирующее воздействие всех вышеуказанных факторов на осуществление международного научно-технического сотрудничества, безусловно, не является абсолютным, их эффект и набор различается в зависимости от конкретных ситуаций.

В то же время следует отметить тенденцию в современных исследованиях, направленных на оценку эффективности и необходимости международного научно-технического сотрудничества, к отказу от исключительно позитивной оценки международного сотрудничества. В частности, выделяются проблемы коллаборации «неравных» по силам партнеров¹¹, различия позиций (интересов) ученых и политических деятелей в подходах к реализации совместных научных

⁸ Kreimer P., Levin L. Op. cit. Pp. 81—83 ; Wagner C., Brahmakulam I., Jackson B., Wong A. and Yoda T. Science and Technology Cooperation: Building Capacity in Developing Countries. Monograph Report-1357.0-WB. Santa Monica, CA : The RAND Corporation, 2001. P. 13—14.

⁹ Holdren J. P. How International Cooperation in Research Advances Both Science and Diplomacy, 2017 // URL: <https://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/how-international-cooperation-in-research-advances-both-science-and-diplomacy/> (дата обращения: 13.04.2019).

¹⁰ Strohschneider P. The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany, 2016 // URL: <http://www.sciencediplomacy.org/perspective/2016/importance-international-research-cooperation-reflections-germany> (дата обращения: 13.04.2019).

¹¹ Kreimer P., Levin L. Op. cit. P. 80.

проектов¹², эффективности заключаемых международных договоров. Конечно, рост количества международных соглашений в области научно-технического сотрудничества не влечет возникновения реального партнерства и осуществления крупных научных проектов. Например, в период с 1995 по 1998 г. США заключили более 800 двусторонних и многосторонних соглашений о научно-техническом сотрудничестве (по состоянию на 1991 г. их было 668), при этом лишь небольшая доля указанных договоров повлекла реализацию совместных научных проектов и достижение положительных результатов¹³.

В настоящей статье предпринята попытка исследования конвенционных моделей международного научно-технического сотрудничества с целью определения их ключевых компонентов, внутрисистемных связей и оценки перспектив применения таких моделей, принимая во внимание уровень развития государств, ранжирование научно-технологических вызовов, национальные интересы и приоритеты Российской Федерации.

В первой части работы освещается понятие конвенционной модели международного научно-технического сотрудничества и определяется его содержание, далее анализируются конвенционные модели международного научного сотрудничества в одной из наиболее развитых в этом отношении сфер — в международных морских научных исследованиях.

I. Понятие конвенционной модели международного научно-технического сотрудничества

Активное использование термина «правовая модель» («юридическая модель») началось с трудов А. Ф. Черданцева. В настоящее время этот термин прочно вошел в оборот юридической науки и активно используется исследователями применительно к различным проявлениям правовой действительности: «правовая модель государства», «правовая модель местного са-

моуправления», «юридическая модель международных научных коллабораций», «правовая модель регулирования служебных отношений», «правовая модель деятельности прокурора», «правовая модель патента», «правовая модель благотворительности и благотворительных организаций», «правовая модель доверительной собственности», «правовая модель узурпации», «правовая модель бюджетной системы», «правовая модель экономической интеграции» и т.д.

При этом в подавляющем большинстве работ не раскрывается понятие правовой модели, в то время как его понимание весьма различно в связи с принадлежностью исследователей к различным правовым школам и в связи с особенностями гуманитарных наук в целом.

Попытка раскрытия понятия правовой модели предпринята в диссертационном исследовании А. С. Безрукова. В частности, им сформулировано следующее определение правовой модели: «Это созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу»¹⁴.

В определенной мере соглашаясь, но в то же время выступая с критикой указанного определения, В. С. Плетников под понятием модели применительно к юридической науке в целом предлагает понимать «образ (интеллектуально-волевое описание), в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития»¹⁵.

¹² Baruch P. International scientific cooperation // Science. 1999. Vol. 286. P. 245.

¹³ Brown G. E. U.S. failure in international scientific cooperation // Issues in Science & Technology. 1998. Vol. 15. Iss. 1. P. 31.

¹⁴ Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 8, 11.

¹⁵ Плетников В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 125.

В литературе также встречается понимание правовой модели как совокупности характеристик, отражающих то или иное правовое явление, объект или процесс¹⁶.

Ю. А. Тихомиров понимает под правовой моделью «прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов, определяющий цели и средства формирования нового правового состояния и позволяющий произвести расчеты связанных с этим реальных результатов»¹⁷.

Некоторыми зарубежными исследователями модели рассматриваются как своего рода метанормы (метаправила), адресованные государству или непосредственно нормотворческому органу в целях формирования некоего образа для дальнейшего его воплощения в жизнь¹⁸. В таком понимании правовые модели выступают в качестве определенных установок для законодателей. Яркой иллюстрацией подобного подхода являются модельные законодательные акты.

Объединяющим аспектом в понимании исследователями сущности правовой модели является то, что она выступает неким образом, отражающим (описывающим) объекты, процессы или явления правовой жизни.

При этом выделяют идеальные (гносеологические) и реальные (онтологические) правовые модели. Идеальная модель представляет собой максимально абстрактный образ, отражающий наиболее общие и существенные характеристики объекта, процесса или явления. Такие модели являются предпосылкой для создания реальных моделей¹⁹.

Идеальные модели не являются частью правовой системы в том смысле, что эти правила не являются источником права. Но законодатель чувствует себя связанным этими правилами или принципами. Государство или

иной субъект, обладающий нормотворческими функциями, готовы воплощать эти образы только потому, что выбранная нормативная модель морально, политически и идеологически принята или востребована обществом.

Реальная же модель непосредственно участвует в правовом регулировании, является воплощением абстрактного образа (идеи)²⁰.

В качестве реальных правовых моделей выступают прежде всего норма права и более крупные нормативные образования (правовые институты, отрасли и др.).

К правовым моделям некоторые исследователи также относят юридические конструкции. Так, В. Н. Исаев со ссылкой на А. Ф. Черданцева пишет, что юридическая конструкция — это идеальная модель, отражающая сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов²¹. А. С. Безруков указывает, что «в узком смысле правовая модель должна содержать наиболее общие, родовые признаки какого-либо явления, в то время как юридическая конструкция представляет собой более законченное “творение”, адаптирующее модель к конкретным социальным условиям»²². По сути, автором юридическая конструкция отождествляется с реальной правовой моделью.

В то же время представляется, что любые правовые модели являются идеальными. Так, норма права хотя и выступает в роли реальной правовой модели, т.к. находит непосредственное закрепление и, соответственно, воплощение в правовой системе, все же остается образом, должным примером поведения. Норма права формирует в сознании субъектов идеальную модель поведения в той или иной ситуации. Как отмечает А. С. Безруков, относя нормы права к реальным правовым моделям, «реальному правоотношению предшествует его иде-

¹⁶ Егорова М. А. Правовая модель экономической концентрации в российском законодательстве. М., 2016. С. 83, 93 ; *Peno M. Philosophy of Punishment: Normative Models and Construction Principles of Legal Systems // Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*. 2019. Vol. 69 (3). P. 412.

¹⁷ Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014. С. 11.

¹⁸ *Peno M. Op. cit.* Pp. 416—417.

¹⁹ Безруков А. С. Указ. соч. С. 12, 16; Плетников В. С. Указ. соч. С. 126—128.

²⁰ Безруков А. С. Указ. соч. С. 12, 16; Плетников В. С. Указ. соч. С. 126—128.

²¹ Исаев В. Н. Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15) : в 2 ч. Ч. I. С. 68.

²² Безруков А. С. Указ. соч. С. 13.

альная модель, формирующаяся в сознании субъекта под воздействием нормы права»²³.

В научной литературе приводится примерная структура правовых моделей²⁴. Однако представляется, что сложность структуры правовой модели будет различаться в зависимости от ее объекта.

Кроме того, в настоящее время в отечественной юридической науке также выделяют общеправовые модели, которые подразделяются на модели внутригосударственного и международного значения. Последние в основном «нацелены на выстраивание международных правовых каналов сотрудничества, поиск консолидирующих правовых ценностей и обеспечение единообразия в практике их гарантирования»²⁵.

Исходя из изложенного, под правовыми моделями международного научно-технического сотрудничества можно понимать некий образ (описание) регулирования взаимодействия субъектов международного права между собой и с иными акторами, не обладающими международной правосубъектностью, отражающий наиболее существенные характеристики этого взаимодействия (концептуально-идеологическую основу, пределы регулирования, набор правовых регуляторов, статус и деятельность субъектов, правовые риски и ожидаемые результаты взаимодействия).

Как известно, международное сотрудничество, в том числе в области науки и техники, осуществляется в двух формах: конвенционном и институциональном. Соответственно, представляется возможным говорить о конвенционных и институциональных моделях международного научно-технического сотрудничества. Подобная дифференциация помогает лучше понять правовые модели международного научно-технического сотрудничества и в определенной степени является условной, т.к. обе они тесно связаны и отражают различные стороны правовой модели. Конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества прежде всего отражает набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов. Тогда как

институциональная модель в большей степени характеризует статус и деятельность субъектов.

Следует оговориться, что в литературе высказывается иной подход к определению форм международного научно-технического сотрудничества. В частности, Л. П. Ануфриева, критикуя отнесение рядом авторов к формам международного научно-технического сотрудничества «гармонизацию», «сближение» и «унификацию», предлагает различать «правовые формы сотрудничества» и «формы правового сотрудничества». Далее автор указывает, что «устоявшимися» формами сотрудничества являются такие виды организации деятельности, которые в состоянии породить новые научные, научно-прикладные, технологические, методологические, производственные и т.п. знания»²⁶. Соглашаясь с тем, что «гармонизацию», «сближение» и «унификацию» нельзя отнести к формам международного сотрудничества, в том числе по вопросам науки и техники, необходимо заметить, что получение новых научных, технологических, методологических, производственных и других знаний является результатом той или иной деятельности, а не характеризует вид организации соответствующей деятельности.

При этом конвенционная модель не ограничивается исключительно международными договорами и обычаями. Как отмечает Л. П. Ануфриева, если ранее разрабатывались специальные международные соглашения по каждой из возникающих ситуаций в процессе международного научно-технического сотрудничества, то в настоящее время конвенционная модель усложняется за счет более точной регламентации вопросов взаимодействия в конституирующих документах. Оно служит целям достижения единообразия при заключении в дальнейшем соглашений по специальным вопросам²⁷.

Проблемы научно-технического сотрудничества слишком многогранны, как и большинство современных социальных проблем, чтобы регулироваться исключительно иерархичной правовой системой, основанной на жестких требованиях, обеспечиваемых санкциями. Конечно, в

²³ Безруков А. С. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Безруков А. С. Указ. соч. С. 16—17; Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. С. 14.

²⁵ Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. С. 21.

²⁶ Ануфриева Л. П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 182—183.

²⁷ Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 181.

каждом случае осуществления международного научно-технического сотрудничества государства все еще играют значимую роль, преследуя национальные интересы. Государства определяют вектор развития международного научно-технического сотрудничества. В то же время в процессе реализации совместных научных проектов возникает множество вопросов, которые не могут быть урегулированы ни в рамках системы международного права, ни в национальном правовом поле. Научные коллаборации в настоящее время включают множество акторов, не являющихся субъектами международного права, участие которых в совместных международных научных проектах является необходимым условием их реализации. Данные акторы заключают меморандумы о взаимопонимании, особые соглашения, формируя тем самым свои правила поведения. В связи с этим особую значимость в контексте международных научных коллабораций приобретают акты, содержащие нормы мягкого права²⁸, а также национальные нормативные правовые акты.

В случае с международными научными коллаборациями эксперты отмечают сознательный характер отказа от жестких правовых норм в пользу регулирования взаимоотношений нормами мягкого права. Причиной тому служит практически отсутствие рисков недобросовестных действий со стороны партнеров по научно-техническому взаимодействию, долгосрочный характер отношений и общая заинтересованность в реализации совместных проектов, репутационные мотивы, наличие в некоторой степени морально-нравственных обязательств. Подобное регулирование показывает свою эффективность на практике²⁹.

Акты, содержащие нормы мягкого права, во-первых, как правило, заключаются в рамках существующего международно-правового базиса. Так, меморандумы о взаимопонимании, на основании которых создан ряд коллабораций в рамках ЦЕРН, заключены на основании Конвенции об учреждении Европейской организа-

ции ядерных исследований 1953 г.³⁰ либо иных международных договоров. Во-вторых, они направлены на конкретизацию и дополнение норм, содержащихся в международных договорах, регулирующих международное научно-техническое сотрудничество в соответствующей сфере. В-третьих, они в значительной степени влияют на характеристики модели международного научно-технического сотрудничества, в частности, расширяют пределы регулирования и набор правовых регуляторов, статус и деятельность субъектов взаимодействия. В связи с этим меморандумы о взаимопонимании и иные международные акты, содержащие нормы мягкого права, представляется необходимым рассматривать в составе конвенционных моделей международного научно-технического сотрудничества.

По сути, таким образом государствами создается гибридная и многоцелевая система с децентрализованным регулированием, но которую они могут направить в необходимую сторону развития.

II. Конвенционные модели международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований

Международное морское право является одной из старейших и наиболее развитых отраслей международного права, неотъемлемой частью которой в настоящее время является совокупность норм, регулирующих вопросы научно-технического сотрудничества государств, международных организаций и иных лиц, в том числе не являющихся субъектами международного права. Вопросы научно-технического сотрудничества сегодня пронизывают практически все сферы международного взаимодействия в области исследования и рационального использования мирового океана, будь то судоходство, рыболовство, защита морской среды от загрязнения и т.д.³¹

²⁸ Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. С. 21 ; Четвериков А. О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (149). С. 163 ; Он же. Большой адронный коллайдер как юридический феномен (окончание) // Там же. № 5 (150). С. 166.

²⁹ Четвериков А. О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен. С. 164—166.

³⁰ Convention for the Establishment of a European Organization for Nuclear Research, 1953 // URL: <https://council.web.cern.ch/en/convention> (дата обращения: 16.04.2019).

³¹ См. подробнее: Field J. G., Hempel G., Summerhayes C. P. Oceans 2020: Science, Trends, and the Challenge of Sustainability. 4th ed. Island Press, 2002. Pp. 9—45.

Однако нормы международного морского права, регулирующие научно-техническое сотрудничество в области осуществления морских научных исследований, до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.³² (далее — Конвенция 1982 г.) практически отсутствовали в универсальных международных договорах.

До принятия Женевских конвенций по морскому праву 1958 г. морские научные исследования носили разрозненный характер и не рассматривались в контексте международно-правового режима мирового океана. Сотрудничество по вопросам морских научных исследований при необходимости регулировались отдельными межгосударственными соглашениями. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что в Проектах статей по морскому праву Комиссия международного права ООН не включила свободу научных исследований в число свобод открытого моря. Лишь в комментариях к ст. 27 эта Комиссия отмечала, что, помимо перечисленных в ней свобод, возможно, существуют иные свободы открытого моря, в том числе свобода научных исследований³³. В текст Женевской конвенции об открытом море 1958 г. норма о свободе научных исследований в итоге не попала.

В то же время ряд норм относительно научных исследований нашли закрепление в Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г.³⁴ Так, ч. 1 ст. 5 указанной Конвенции предписывала, что «разведка континентального шельфа и разработка его естественных богатств... не должны создавать препятствий фундаментальным океанографическим или иным научным исследованиям, выполняемым с целью опубликования». В части 8 цитируемой статьи уточнялось, что подобные исследования возможны с согласия прибрежного государства, но последнее не должно по общему правилу отказывать в их проведении, если просьба исходит от обладающего надлежащей квалификацией учреждения и направлена на проведение исключительно научного исследования физических или биологических свойств континен-

тального шельфа, и что их результаты должны быть опубликованы. Прибрежное государство наделялось правом участвовать или быть представленным в исследовании.

Именно вопросы использования и исследования континентального шельфа поспособствовали дальнейшему внедрению норм о международном научно-техническом сотрудничестве в международно-правовой режим мирового океана. В 1968 г. в своем докладе Генеральной Ассамблее ООН Специальный комитет для изучения вопросов мирного использования дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции отмечал необходимость разработки норм относительно морских научных исследований. В пункте 10 Декларации, подготовленной Специальным комитетом, отмечалось, что государства должны содействовать международному сотрудничеству в области научных исследований исключительно в мирных целях: а) путем участия в международных программах и поощрения сотрудничества в научных исследованиях разных стран; б) путем эффективной публикации исследовательских программ и распространения результатов исследований по международным каналам; в) путем сотрудничества в мерах по укреплению исследовательского потенциала развивающихся стран, включая участие их граждан в исследовательских программах. Более того, им было предложено разграничивать фундаментальные и прикладные морские научные исследования³⁵.

Дальнейшее развитие нормы о международном научно-техническом сотрудничестве в области морских научных исследований получили в Конвенции 1982 г.

Перечень вопросов и проблем для обсуждения в рамках III Конференции ООН по морскому праву, подготовленный Комитетом ООН по морскому дну в 1972 г., включал отдельный пункт, посвященный вопросам научных исследований: а) природа, признаки и цели научных исследований; б) доступ к научной информации; в) международное сотрудничество³⁶.

³² United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982 // URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 16.04.2019).

³³ Yearbook of the International Law Commission. 1956. Vol. II. Pp. 278.

³⁴ Convention on the Continental Shelf, 1958 // URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (дата обращения: 16.04.2019).

³⁵ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. IV. Brill, Nijhoff, 1990. Pp. 430—431.

³⁶ United Nations: Seabed Committee List of Subjects and Issues to be Discussed at Law of the Sea Conference // International Legal Materials. 1972. Vol. 11. No. 5. Pp. 1176.

Наиболее дискуссионными в рамках III Конференции оказались вопросы относительно понятия морских научных исследований и их дифференциации на фундаментальные и прикладные. В частности, ряд делегаций предлагали в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе на фундаментальные исследования распространить полную свободу, установив лишь необходимость уведомления прибрежного государства, тогда как на проведение прикладных исследований установить обязательное получение согласия последнего³⁷. Подобное разграничение было признано необоснованным и не нашло закрепления в тексте Конвенции 1982 г.

Что касается понятия морских научных исследований, то предлагалось множество различных вариантов их определения, отличающихся различной степенью конкретизации видов деятельности и их признаков. Так, Канада в 1972 г. предложила следующее определение морских научных исследований: это любые исследования, фундаментальные или прикладные, направленные на расширение знаний о морской среде, включая все ее ресурсы и живые организмы, и охватывающие всю связанную научную деятельность³⁸.

В 1973 г. СССР, УССР, Польша и Болгария предложили понимать под ними любые фундаментальные или прикладные исследования и связанные с ними экспериментальные работы, осуществляемые государствами и их юридическими и физическими лицами, а также международными организациями, которые не нацелены непосредственно на промышленную эксплуатацию, но предназначены для получения информации обо всех аспектах природных процессов и явлений, происходящих в морском пространстве, на морском дне и в его недрах, необходимые для мирной деятельности государств для дальнейшего развития судоходства и других форм использования моря, а также использования воздушного пространства над мировым океаном³⁹.

В 1975 г. группой из 9 социалистических стран было предложено определение морских научных исследований как любых исследова-

ний или связанных с ними экспериментальных работ в морской среде, которые предназначены для повышения уровня знаний человека и проводятся в мирных целях⁴⁰.

В окончательный текст Конвенции 1982 г. понятие морских научных исследований так и не вошло в связи с тем, что государствам не удалось прийти к единогласию. В то же время большинство из предложений в том или ином виде нашли отражение в общих положениях ч. XIII Конвенции 1982 г.

Следует отметить, что вопрос разграничения научных исследований от иных видов деятельности имеет практическое значение. Например, Япония неоднократно ссылалась на научный характер деятельности в судебных спорах, возникающих в связи с осуществлением японскими рыбаками под видом научных исследований промысла отдельных видов рыб и китов.

Так, 31 мая 2010 г. Австралия обратилась в Международный Суд ООН (далее — Суд, МС ООН) с заявлением о возбуждении дела против Японии в связи с осуществлением ею широко-масштабной программы китобойного промысла в рамках второго этапа Японской программы исследования китов, осуществляемой в Антарктике на основании специального разрешения (ЯРПА II). По мнению Австралии, Япония под видом научных исследований нарушала обязательства, взятые Японией по Международной конвенции по регулированию китобойного промысла 1946 г.:

- а) сохранение нулевого лимита вылова китов в коммерческих целях, установленного в п. 10(e) приложения к Конвенции 1946 г.;
- б) запрет на коммерческий промысел финвалов в Южном Океане, согласно п. 7(b) приложения к Конвенции 1946 г.;
- в) соблюдение моратория на промысел, убой и обработку китов, за исключением малых полосатиков, заводами или китобойными судами, связанными с этими заводами, в нарушение п. 10(d) приложения к Конвенции 1946 г.;
- г) соблюдение требования п. 30 приложения к Конвенции 1946 г.⁴¹

В связи с этим Международный суд ООН вынужден был обратиться к установлению со-

³⁷ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. Op. cit. Pp. 433—434.

³⁸ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. Op. cit. P. 441.

³⁹ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. Op. cit. P. 441.

⁴⁰ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. Op. cit. P. 447.

⁴¹ Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment of the I.C. J. March 31, 2014 // I.C. J. Reports 2014. Para. 25. См. также: Бекяшев К. А., Пекарский А. Н. Международный суд ООН

держания термина «научные исследования». Его анализу посвящены параграфы 72—86 решения Суда по данному делу. Суд, основываясь на экспертных мнениях М. Мэнджела и г-на Вулоу, на которые ссылались стороны, исследовал 4 предложенных ими критерия разграничения научных исследований как особого вида деятельности:

- 1) определенные и достижимые цели (вопросы или гипотезы), которые направлены на содействие получению знаний, значимых для сохранения запасов и управления ими;
- 2) «надлежащие методы», включая использование летальных методов только в тех случаях, когда цели исследования не могут быть достигнуты никакими другими способами;
- 3) внешняя экспертная оценка;
- 4) предотвращение неблагоприятного воздействия на исследуемые запасы ресурсов⁴².

Суд отметил, что следует согласиться с первым критерием, предложенным экспертами, но степень конкретизации научной гипотезы может различаться, она может быть изложена в достаточном общем виде⁴³.

МС ООН также согласился с тем, что использование летальных методов возможно только в тех случаях, когда цели исследования не могут быть достигнуты иными способами, и они являются соразмерными ожидаемым результатам⁴⁴.

Не вызвало сомнений у Суда и сторон дела и то, что научные исследования не должны иметь неблагоприятное воздействие на изучаемые запасы ресурсов⁴⁵.

Однако суд не согласился с выделением в качестве признака научных исследований обязательной внешней экспертной оценки исследования и его результатов, хотя подобная практика и является обычной для современного научного сообщества⁴⁶.

В то же время Суд не стал давать собственное определение «научных исследований» и,

опираясь на указанные выше критерии, установил, что реализация программы ЯРПА II не преследует научные цели. При этом МС ООН особо отметил, что научный характер деятельности не зависит исключительно от восприятия ее в качестве таковой самим государством⁴⁷.

Аналогичным образом Япония ссылалась на научный характер деятельности, фактически направленной на промысел, в деле о южном голубом тунце, рассмотренном Трибуналом по морскому праву в 1999 г.⁴⁸

Конвенция 1982 г. является первой попыткой закрепить на универсальном уровне международно-правовые нормы относительно морских научных исследований, осуществляемых государствами и международными организациями. Она установила основы, рамки для международного сотрудничества в области морских научных исследований, которые далее более детально прорабатываются на основе многосторонних и двусторонних соглашений. При этом в регулировании морских научных исследований в первую очередь необходимо опираться на соответствующие нормы Конвенции 1982 г., а затем уже другие международные договоры. Это прямо вытекает из ст. 300 и 311 Конвенции 1982 г., а также подтверждается в международно-правовой доктрине⁴⁹.

Непосредственно морским научным исследованиям посвящена ч. XIII Конвенции 1982 г. Она включает 6 разделов:

- общие положения;
- международное сотрудничество;
- проведение и содействие проведению морских научных исследований;
- научно-исследовательские установки и оборудование в морской среде;
- ответственность;
- урегулирование споров.

Положения данных разделов определяют концептуальную основу взаимодействия, век-

запретил Японии под прикрытием научных исследований коммерческий промысел китов в антарктических водах // Рыбное хозяйство. 2016. № 2. С. 44—49.

⁴² Whaling in the Antarctic. Para. 74.

⁴³ Whaling in the Antarctic. Para. 77.

⁴⁴ Whaling in the Antarctic. Para. 137.

⁴⁵ Whaling in the Antarctic. Para. 85.

⁴⁶ Whaling in the Antarctic. Para. 84.

⁴⁷ Whaling in the Antarctic. Para. 61.

⁴⁸ Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan), Provisional Measures, Order of the ITLOS of August 27, 1999 // ITLOS Reports 2014. P. 226. См. также: Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.

⁴⁹ Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. Op. cit. P. 450.

тор и пределы регулирования, а также потенциальные результаты сотрудничества.

Концептуальную основу конвенционной модели международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований составляет взаимодействие государств, международных организаций и иных акторов в целях содействия расширению знаний относительно существа явлений и процессов, происходящих в морской среде, и взаимосвязи между ними с учетом прав и обязанностей других государств путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений, базирующихся на положениях Конвенции 1982 г.

Конвенция 1982 г. устанавливает, что такие исследования должны проводиться исключительно в мирных целях, надлежащими научными методами и средствами, не создавая помех для осуществления иных правомерных видов деятельности (ст. 240 Конвенции 1982 г.).

Результатом сотрудничества должно являться упрощение и создание условий для совместного проведения морских научных исследований, обеспечение доступности информации об основных научных программах и их целях, а также знаниях, являющихся результатом таких исследований, путем их публикации и распространения по надлежащим каналам (ст. 244 Конвенции 1982 г.).

С 1960 г. в связи созданием Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО (далее — МОК) большинство морских научных исследований, реализуемых в рамках международного научно-технического сотрудничества, осуществляется под ее эгидой. МОК согласно ст. 1 Устава является органом с функциональной автономией в рамках ЮНЕСКО⁵⁰. Принимая во внимание вклад МОК в развитие международного научно-технического сотрудничества в рассматриваемой сфере, Конвенция 1982 г. признала ее в качестве компетентной международной организации в области морских научных исследований и передачи морских технологий.

В конвенционную модель международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований в этой связи входят учредительные документы МОК. В част-

ности, Устав МОК и Правила процедуры МОК⁵¹, которые, по сути, представляют собой резолюции международной межправительственной организации — ЮНЕСКО.

Ключевым элементом конвенционной модели также являются решения органов МОК, которые занимаются реализацией международных программ и проектов в области морских научных исследований. В рамках МОК выделяются основные и вторичные вспомогательные органы. К основным вспомогательным органам относятся:

- а) научные и/или технические комитеты. Учреждаются Ассамблеей или Исполнительным советом для реализации решений этих органов. Например, Межправительственная группа по вредоносному цветению водорослей (1991 г.), Межправительственная координационная группа по системе предупреждения и смягчения последствий цунами в Индийском океане (2005 г.) и др.;
- б) подкомиссии. Создаются главными органами МОК по запросу государств-членов для поощрения, развития и координации программ МОК по морским научным исследованиям, системам оперативных наблюдений за океаном и связанной с ними деятельности. Например, Подкомиссия для Карибского бассейна и прилегающих регионов (1982 г.), Подкомиссия по Африке и соседним островным государствам (2012 г.) и др.;
- в) региональные комитеты отвечают за координацию и контроль научной и обслуживающей деятельности МОК на областном уровне: Региональный комитет по центральной части Индийского океана (1982 г.), Региональный комитет по Черному морю (1995 г.);
- г) совместные вспомогательные органы учреждаются в сотрудничестве с другими организациями для успешной разработки и реализации научных и иных программ: Объединенный руководящий комитет МОК — МГО по общей батиметрической карте океанов (1974 г.), Совместная техническая комиссия ВМО — МОК по океанографии и морской метеорологии (1999 г.).

Вторичные вспомогательные органы включают:

⁵⁰ Устав Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО, 1960 // URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=1730 (дата обращения: 14.04.2019).

⁵¹ Правила процедуры Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО, 2001 // URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=1731 (дата обращения: 14.04.2019).

- а) целевые группы. Они могут быть учреждены главными или основными вспомогательными органами МОК (за исключением совместных вспомогательных органов) по отдельным вопросам. Например, Консультативная группа экспертов по морскому праву (1997 г.), Целевая группа Межправительственной группы по вредоносному цветению водорослей по разработке глобального отчета о состоянии вредоносного цветения водорослей (2015 г.) и др.;
- б) группы экспертов — небольшие вспомогательные органы, состоящие из специалистов, отобранных в личном качестве для осуществления научной или технической экспертизы. Они осуществляют научные и технические исследования по поручению органов МОК. В их число входят Группа экспертов по Глобальной системе наблюдений за уровнем моря (1988 г.), Руководящий комитет Глобальной системы наблюдений за океаном (2011 г.), Группа экспертов по комплексному управлению прибрежными районами и смежным вопросам (1999 г.) и др.⁵²

Кроме того, МОК активно сотрудничает с другими значимыми в области осуществления морских научных исследований межправительственными и неправительственными организациями, в числе которых Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), ИКЕС, ПИКЕС, Международная гидрографическая организация (МГО), Научным комитетом по исследованию океана (СКОР).

Практически во всех случаях подобное сотрудничество осуществляется на основе актов,

не являющихся юридически обязательными для сторон: меморандум о взаимопонимании⁵³, письмо о сотрудничестве⁵⁴. На практике также встречаются случаи оформления сотрудничества на основании письма-соглашения⁵⁵ или соглашения о партнерстве⁵⁶.

Таким образом, конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и включает в зависимости от конкретной ситуации двусторонние и многосторонние международные договоры, решения и резолюции компетентных международных организаций, а также многочисленные акты, содержащие нормы мягкого права, направленные на детализацию различных аспектов взаимодействия.

Заключение

Несмотря на наличие множества работ, посвященных тем или иным правовым моделям, лишь некоторые авторы пытаются раскрыть содержание данного термина. Предложенные исследователями определения правовой модели различаются количеством уточняющих признаков, но едины в том, что правовая модель выступает неким образом, отражающим (описывающим) объекты, процессы или явления правовой жизни. При этом все правовые модели, на наш взгляд, являются идеальными. Они представляют собой идеальный образ, требующий воплощения в жизнь субъектами, которым он адресован.

⁵² Информационный документ о статусе вспомогательных органов Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО, 2015 // URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=15514 (дата обращения: 14.04.2019).

⁵³ Memorandum of Understanding between the International Atomic Energy Agency and the Intergovernmental Oceanographic Commission on Marine Environmental Protection, 1982 // URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=1732 (дата обращения: 16.04.2019).

⁵⁴ Letter of Cooperation between the Intergovernmental Oceanographic Commission (IOC) of UNESCO and the International Council for the Exploration of the Sea (ICES), 2012 // URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=1732 (дата обращения: 16.04.2019).

⁵⁵ Letter of Agreement between the North Atlantic Marine Mammal Commission (NAMMCO) and the International Council for the Exploration of the Sea (ICES), 2011 // URL: <https://www.ices.dk/explore-us/Documents/Cooperation%20agreements/NAMMCO/20111121%20ICES%20NAMMCO%20LoA.pdf> (дата обращения: 16.04.2019).

⁵⁶ Partnership Arrangement providing for international cooperation in the development and maintenance of the Fisheries Resources Monitoring System (FIRMS), 2004 // URL: <https://www.ices.dk/explore-us/Documents/Cooperation%20agreements/FIRMS/Agreement%20FIRMS%20and%20ICES.pdf> (дата обращения: 16.04.2019).

С учетом форм международного сотрудничества представляется возможным выделить конвенциональных и институциональных моделей международного научно-технического сотрудничества. Подобная дифференциация помогает лучше понять правовые модели международного научно-технического сотрудничества и в определенной степени является условной, т.к. обе они тесно связаны и отражают различные стороны правовой модели. Институциональная модель в большей степени характеризует статус и деятельность субъектов. Тогда как конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества прежде всего отражает набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов. При этом она не ограничивается исключительно международными договорами и обычаями, а включает также акты, содержащие нормы мягкого права.

Государства и иные субъекты международного права до настоящего времени не могут прийти к единому пониманию термина «морские научные исследования», о чем свидетельствует в том числе практика Международного суда ООН и Трибунала по морскому праву.

В то же время необходимость осуществления совместных морских научных исследований привела к возникновению целого института в рамках международного морского права, регулирующего взаимодействие субъектов международного права и иных акторов в области морских научных исследований и обмена технологиями.

Анализ правового регулирования деятельности наиболее активного субъекта, осуществляющего координацию взаимодействия государств и иных субъектов в области морских научных исследований, — Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО — позволяет утверждать, что конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и включает в зависимости от конкретной ситуации двусторонние и многосторонние международные договоры, решения и резолюции компетентных международных организаций, а также многочисленные акты, содержащие нормы мягкого права, направленные на детализацию различных аспектов взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ануфриева Л. П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 12 (97). — С. 175—186.
2. Безруков А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2008. — 27 с.
3. Бекашев К. А., Пекарский А. Н. Международный суд ООН запретил Японии под прикрытием научных исследований коммерческий промысел китов в антарктических водах // Рыбное хозяйство. — 2016. — № 2. — С. 44—49.
4. Егорова М. А. Правовая модель экономической концентрации в российском законодательстве. — М., 2016. — 98 с.
5. Исаев В. Н. Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 1 (15) : в 2 ч. — Ч. I. — С. 67—69.
6. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. — М. : Статут, 2007. — 637 с.
7. Плетников В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. — 2016. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 121—135.
8. Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014. — 280 с.
9. Четвериков А. О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. — 2019. — № 4 (149). — С. 151—169.
10. Четвериков А. О. Большой адронный коллайдер как юридический феномен (окончание) // Lex Russica. — 2019. — № 5 (150). — С. 161—173.

11. Archibugi D., Filippetti A. The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. — Oxford : Wiley, 2015. — 624 p.
12. Baruch P. International scientific cooperation // Science. — 1999. — Vol. 286. — Pp. 245—246.
13. Brown G. E. U.S. failure in international scientific cooperation // Issues in Science & Technology. — 1998. — Vol. 15. — Iss. 1. — P. 31.
14. Chinchilla-Rodriguez Z., Miao L., Murray D., et al. A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities // Frontiers in Research Metrics and Analytics. — 2018. — Vol. 3:17. — Pp. 1—14.
15. Field J. G., Hempel G., Summerhayes C. P. Oceans 2020: Science, Trends, and the Challenge of Sustainability. — 4th ed. — Island Press, 2002. — 384 p.
16. Gaillard J., Gaillard A.-M., Arvanitis R. Research collaboration between Europe and Latin America: mapping and understanding partnership. — Paris : Archives contemporaines, 2014. — 196 p.
17. Holdren J. P. How International Cooperation in Research Advances Both Science and Diplomacy, 2017 // URL: <https://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/how-international-cooperation-in-research-advances-both-science-and-diplomacy/> (дата обращения: 13.04.2019).
18. Katz J. S., Martin B. R. What is research collaboration? // Research Policy. — 1997. — Vol. 26. — Iss. 1. — Pp. 1—18.
19. Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. — Vol. IV. — Brill, Nijhoff, 1990. — 812 p.
20. Peno M. Philosophy of Punishment: Normative Models and Construction Principles of Legal Systems // Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu. — 2019. — Vol. 69 (3). — Pp. 411—432.
21. Strohschneider P. The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany, 2016 // URL: <http://www.sciencediplomacy.org/perspective/2016/importance-international-research-cooperation-reflections-germany> (дата обращения: 13.04.2019).
22. Wagner C., Brahmakulam I., Jackson B., Wong A. and Yoda T. Science and Technology Cooperation: Building Capacity in Developing Countries. Monograph Report-1357.0-WB. — Santa Monica, CA : The RAND Corporation, 2001. — 102 p.

Материал поступил в редакцию 15 мая 2019 г.

CONVENTION MODELS OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION (BASED ON THE CASE STUDY OF MARINE SCIENTIFIC RESEARCH)⁵⁷

KOZHEUROV Yaroslav Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
abc646@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

TEYMUROV Elvin Sakhavat ogly, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
esteymurov@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. First, an attempt to describe the models of international scientific and technical cooperation caused the need to refer to the concept of a “legal model.” As a result of the conducted research, it is established that the unifying aspect in the understanding of the essence of the legal model is that it functions in a certain way reflecting (describing) objects, processes or phenomena of legal life.

⁵⁷ The study has been carried out with the financial support of RFBRF within the framework of scientific project No. 18-29-15045.

Taking into account the forms of international cooperation, it is proposed to separate the conventional and institutional models of international scientific and technical cooperation. The institutional model to greater extent characterizes the status and activities of the actors. The conventional model primarily reflects a set of legal regulators of interaction between the subjects. However, it is not limited to international treaties and customs, but also includes acts containing rules of soft law.

In order to describe the conventional model of international scientific and technical cooperation in the field of marine research, the concept of “marine scientific research” has been analyzed, as well as the analysis of the development of the institution under consideration within the framework of the international law of the sea regulating the interaction between subjects of international law and other actors in the field of marine scientific research and the exchange of technology has been carried out. As a result, it is established that the conventional model of international scientific and technical cooperation in the field of marine scientific research is based on the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982 and includes, as appropriate, bilateral and multilateral international treaties and agreements, decisions and resolutions of competent international organizations, as well as numerous instruments containing rules of soft law aimed at focusing on the various aspects of interaction.

Keywords: legal model, conventional model, institutional model, international cooperation, scientific and technical cooperation, marine scientific research.

REFERENCES

1. Anufrieva L. P. Printsipy i pravovye formy sotrudnichestva v oblasti nauki, tekhniki i innovatsiy mezhdru Rossiei i stranami ES [Principles and legal forms of cooperation in the field of science, technology and innovation between Russia and EU countries]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*. 2018. no. 12 (97). pp. 175—186. (In Russian)
2. Bezrukov A. S. Pravovaya model kak instrument yuridicheskoy nauki i praktiki :avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [A legal model as a tool of legal science and practice: Author's Abstract]. Vladimir, 2008. 27 p. (In Russian)
3. Bekyashev K. A., Pekarskiy A. N. Mezhdunarodnyy sud OON zapretil Yaponii pod prikrytiem nauchnykh issledovaniy kommercheskiy promysel kitov v antarkticheskikh vodakh [UN International Court of Justice banned Japan commercial fishing of whales in Antarctic waters under the cover of scientific research]. *Rybnoe khozyaystvo*. 2016. No. 2. pp. 44—49. (In Russian)
4. Egorova M. A. Pravovaya model ekonomicheskoy kontsentratsii v rossiyskom zakonodatelstve [A legal model of economic concentration in the Russian legislation]. Moscow, 2016. 98 p. (In Russian)
5. Isaev V. N. Yuridicheskaya konstruktsiya kak model obshchestvennykh otnosheniy [Legal construction as a model of social relations]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice]*. 2012. No. 1 (15): in 2 vols. . Vol. 1., pp. 67—69. (In Russian)
6. Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu.V. Mirovoy okean. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim. Osnovnye problemy [The World Ocean. International legal regime. The main problems]. Moscow, Statut Publ., 2007. 637 p. (In Russian).
7. Pletnikov V. S. Ponyatie i vidy modeley v sovremennoy otechestvennoy yurisprudentsii: teoretiko-pravovoe issledovanie [The concept and types of models in modern domestic jurisprudence: Theoretical legal research]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya RAN [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*. 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 121—135. (In Russian).
8. Pravovye modeli i realnost : monografiya [Legal Models and Reality: A monograph]. O. A. Hakobyan, N. C. Vlasova, S. A. Gracheva [et al.]. Yu. A. Tikhomirov, E. E. Rafalyuk, N. I. Hludeneva (eds). Moscow, ILaCJ under the Government of the Russian Federation: Infra-M Publ., 2014. 280 p. (In Russian)
9. Chetverikov A. O. Bolshoy adronnyy kollyayder kak yuridicheskiy fenomen [Large Hadron Collider as a Legal Phenomenon]. *Lex Russica*. 2019. No. 4 (149). pp. 151—169. (In Russian).
9. Chetverikov A. O. Bolshoy adronnyy kollyayder kak yuridicheskiy fenomen (okonchanie) [Large Hadron Collider as a Legal Phenomenon (Part 2)]. *Lex Russica*. 2019. No. 4 (149). pp. 151—169. (In Russian).

11. Archibugi D., Filippetti A. The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. Oxford: Wiley, 2015. 624 p.
12. Baruch P. International scientific cooperation. *Science*. 1999. Vol. 286. Pp. 245—246.
13. Brown G. E. U.S. failure in international scientific cooperation. *Issues in Science & Technology*. 1998. Vol. 15. Iss. 1. P. 31.
14. Chinchilla-Rodriguez Z., Miao L., Murray D., et al. A Global Comparison of Scientific Mobility and Collaboration According to National Scientific Capacities. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2018. Vol. 3:17. Pp. 1—14.
15. Field J. G., Hempel G., Summerhayes C. P. Oceans 2020: Science, Trends, and the Challenge of Sustainability. 4th ed. Island Press, 2002. 384 p.
16. Gaillard J., Gaillard A.-M., Arvanitis R. Research collaboration between Europe and Latin America: mapping and understanding partnership. Paris : Archives contemporaines, 2014. 196 p.
17. Holdren J. P. How International Cooperation in Research Advances Both Science and Diplomacy, 2017. URL: <https://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/how-international-cooperation-in-research-advances-both-science-and-diplomacy/> (date of access: 13.04.2019).
18. Katz J. S., Martin B. R. What is research collaboration? *Research Policy*. 1997. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 1—18.
19. Nordquist M. H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. IV. Brill, Nijhoff, 1990. 812 p.
20. Peno M. Philosophy of Punishment: Normative Models and Construction Principles of Legal Systems. *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*, 2019, Vol. 69 (3), pp. 411—432.
21. Strohschneider P. The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany, 2016. URL: <https://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/how-international-cooperation-in-research-advances-both-science-and-diplomacy/> (date of access: 13.04.2019).
22. Wagner C., Brahmakulam I., Jackson B., Wong A. and Yoda T. Science and Technology Cooperation: Building Capacity in Developing Countries. Monograph Report-1357.0-WB. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2001. 102 p.